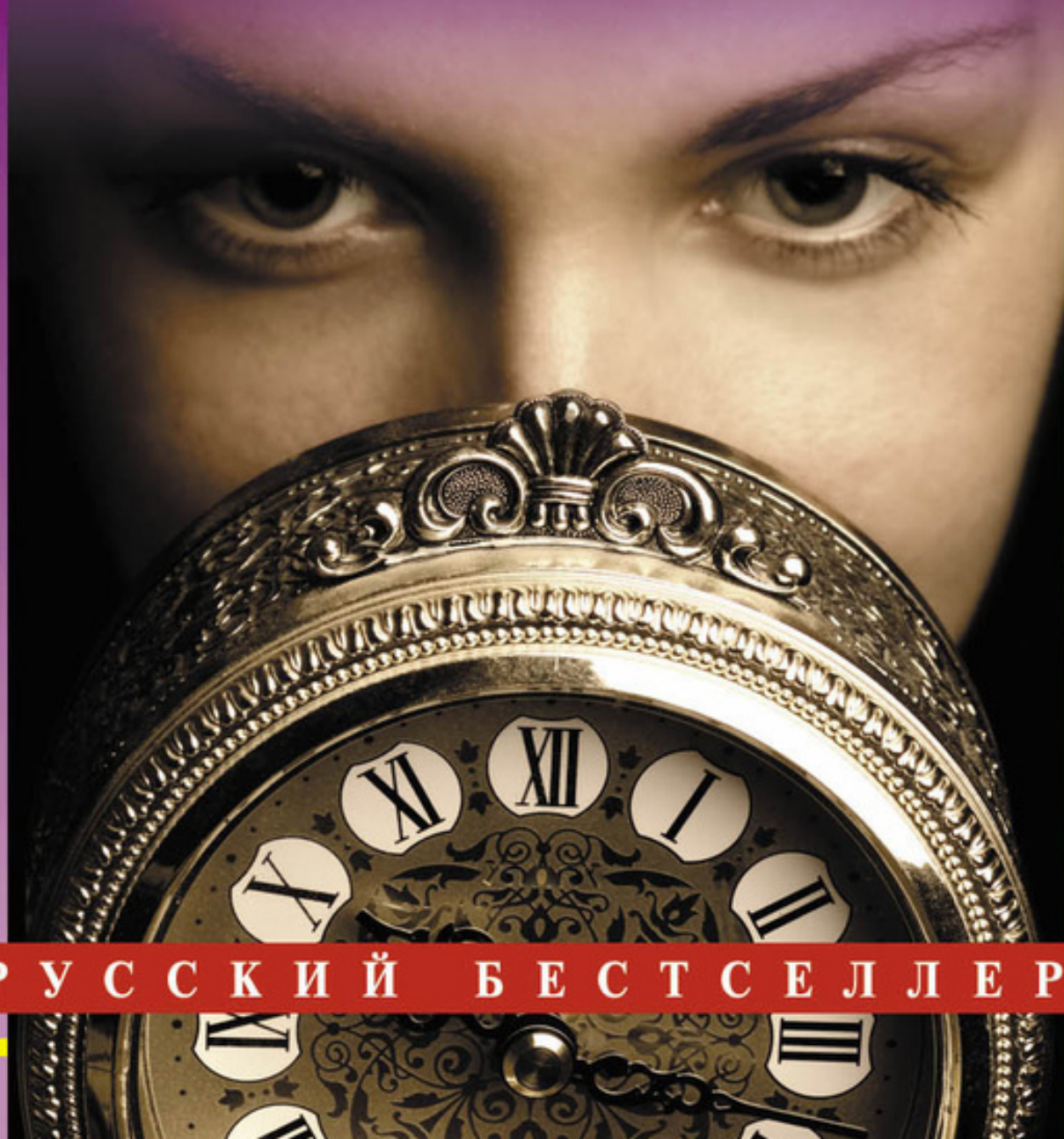

Марина
СЕРОВА

Проданное
УБИЙСТВО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Проданное убийство

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Проданное убийство / М. С. Серова — «Эксмо»,
2016 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-699-89786-5

Можно ли продать чужую смерть как драгоценность на аукционе? Вопрос как раз из тех, над которыми любит поломать голову бывший следователь Татьяна Иванова. Даже уволившись из органов, она все равно остается незаменимой. Самое бесперспективное дело, разумеется, снова поручают ей. Высокое начальство с Петровки, 38, не верит, что ничем не примечательный житель провинциального российского городка мог повеситься по собственной воле. Кому понадобилось его убивать? Почему делом интересуется Москва? Наконец, сколько стоит чужая смерть? Пока очевидно только одно – потрудиться Татьяне снова придется на совесть...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89786-5

© Серова М. С., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марина Сергеевна Серова

Проданное убийство

© Серова М. С., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Август в этом году выдался жаркий. Настолько жаркий, что жители Тарасова предпочитали без особой нужды не покидать прохладные помещения, снабженные кондиционерами. Даже на службу бежали с большей охотой, чем обычно, чтобы хоть немного отдохнуть от надоевшей духоты. Ведь далеко не у каждого тарасовца дома имелся кондиционер.

Вот и я, как большинство горожан, предпочитала сидеть в прохладе квартиры, благо мое жилище оным агрегатом было предусмотрительно снабжено еще несколько лет назад. Последнее расследование, закончившееся для меня в плане здоровья не самым лучшим образом, осталось далеко позади. Как и двухнедельный отдых на лучшем курорте для служащих МВД. Путевку в санаторий выбил для меня мой давний друг подполковник Кирьянов. Как ему это удалось, для меня так и осталось загадкой. В органах я давным-давно не работаю. К моему великому счастью, я вовремя завязала с государственной службой.

Теперь поправлять здоровье мне положено частным порядком, на курортах, предназначенных для простых смертных. Правда, это только наши государственные мужи могут назвать подобные курорты местом для «простых смертных». У рядового жителя нашей необъятной Родины даже на один день пребывания в подобном заведении денег не хватит, а не то что на курс реабилитации. А реабилитация мне была настоятельно рекомендована врачами. Разрыв сухожилия, смещение голеностопа, отягощенное гнойным отеком левой ноги. Вот таков был диагноз.

Травму я получила, гоняясь за злостным рецидивистом, три года находившимся в федеральном розыске. Рецидивиста я в итоге обезвредила и даже умудрилась доставить в ближайшее отделение полиции. Но при этом неудачно приземлилась, спрыгивая с трехметрового забора, и вот результат. Километровый диагноз и полное отсутствие возможности самостоятельно передвигаться. Десять дней в городской больнице принесли лишь некоторое облегчение. Я научилась самостоятельно спускаться со второго этажа на первый, да и то пользуясь костылями. Передо мной маячила перспектива навсегда забыть про бег и танцы. Стариковский бадик должен был стать моим самым близким другом. Перспектива та еще! И тут в дело вступил Кирьянов. Заглянув ко мне в больницу и выяснив истинное положение вещей, он развил бурную деятельность, и уже через три дня я нежилась под лучами южного солнца и проходила курс интенсивной терапии в лучшей санатории страны.

С курорта я вернулась позавчера. Отдохнувшая, загоревшая, цветущая. И, самое главное, на своих двоих. И без ненавистного бадика. При выписке врачи предупредили меня, что первое время ногу следует поберечь. Повторная травма может навсегда лишить меня возможности передвигаться самостоятельно. Первое время, по их меркам, исчислялось шестью месяцами. Каким образом мне удастся выполнять рекомендации эскулапов, я представляла смутно. Впрочем, сейчас я старалась об этом не думать, а беспечно наслаждаться покоем. Единственное, что мне предстояло сделать в ближайшее время, – это нанести визит Кирьянову. Перед поездкой в санаторий мне как-то не удалось поблагодарить его за заботу. А очень хотелось.

Я бы давно сделала это, если бы не жара. Как представляю, что нужно будет сменить живительную прохладу квартиры на раскаленный воздух города, так решимость тут же исчезает. Надежда на то, что погода изменится, таяла с каждым днем. Синоптики ничего, кроме повышения температуры, не обещали. Добраться до Кирьянова по холодку мне не светило, а благодарить по телефону в данном случае было как-то некрасиво. По крайней мере, на мой взгляд.

Водить машину мне, по понятным причинам, запретили. Значит, придется вызывать такси. Париться в автобусе я была совершенно не готова. Будем надеяться, что в такси окажется кондиционер. Не самоубийцы же они, в конце концов, целый день по пеклу без кондюшника гонять? Набрал номер единой диспетчерской службы, я сделала заказ. Вежливая девушка с

приятным голосом сообщила, что заявка успешно принята, и порекомендовала ожидать ответного сообщения от водителя. Я надела самый легкий сарафан, что нашла в гардеробе, приготовила невесомые босоножки и принялась ждать.

Чтобы ожидание не было скучным, я включила телевизор и стала перещелкивать каналы, отыскивая программу местных новостей. У журналистов все было по-старому. Рост цен на коммунальные услуги беспокоил горожан куда больше, чем международное положение. В конце передачи шли криминальные новости. Тут тоже все было как обычно. Нападение пенсионера на работника рынка, заломившего цену на мясо, было, пожалуй, самой непривычной из всех новостей.

На мобильник пришло сообщение с номером и маркой такси. Автомобиль «Тойота Камри» ожидал меня через три минуты. Щелкнув пультом, я вырубил телевизор и спустилась во двор. Он был пуст. Я остановилась под навесом, чтобы хоть как-то защититься от палящих солнечных лучей. Подъездная дверь распахнулась, и оттуда выскочила соседка с первого этажа, Жанночка Кокорина. В нашем доме она жила относительно недавно. Квартиру Жанночка получила в наследство от умершей бабки, превредной, надо заметить, старухи. Сама Жанночка была существом абсолютно безобидным, если не считать ее навязчивого стремления завести дружбу с каждым жильцом нашего дома.

Увидев меня, Жанночка радостно всплеснула руками, и, бросившись мне на шею, закричала:

– Танюшенька, вернулась! Вот радость-то! Ну, рассказывай, как здоровье, как нога? Не болит больше? А я все думаю, где ты, как ты? Звонить пыталась, да у тебя телефон всегда недоступен. Сломался? А мы тут детскую площадку организовать решили. Ну, качели там, песочница, лазалки всякие. Ты участвовать-то будешь? Собираем по тысяче. Если много, можно и половину. А у Зинки двойня скоро будет. Ну, у Зинки из третьего подъезда. Что, неужели не помнишь? Слушай, ты на машине? Мне в город надо, подвезешь?

Еще одна отличительная особенность Жанночки – абсолютное неумение выслушивать ответ. Вопросы из нее сыпались как из рога изобилия, но отвечать на них не стоило и пытаться. Девушку ответы интересовали постольку-поскольку. Главное – уши свободные. Зная об этой ее особенности, я и не рвалась отвечать. Молча вытянула из сумочки кошелек и выдала тысячную купюру на организацию детской площадки. Хотя у меня самой детей не было и не планировалось, к данному начинанию я отнеслась с уважением. Ведь надо же где-то детям гулять? Уж лучше они будут на специально устроенной площадке тусоваться, чем под колесами припаркованных авто.

– Ну что? Подвезешь, или мне на трамвае трястись? Я, между прочим, в администрацию еду. Заявление везу по поводу площадки. Пусть раскошелятся хоть на рабочих.

Жанночка вопросительно глядела на меня, на этот раз целенаправленно ожидая ответа. Пришлось признаваться, что жду такси.

– Вот и отлично. Это даже лучше, а то ты, со своей хромой ногой, еще в аварию попадешь и меня заодно угробишь. А на такси безопасней. Вон не твоя заруливает? – указала на въезжающую во двор машину Жанночка.

Это была как раз «Тойота Камри». Водитель открыл дверцу, оглядел нас с ног до головы и задал вопрос:

– Такси кто вызывал?

– Мы и вызывали, – первой ответила Жанночка. – Пойдем, Танюш. Чего стоять-то?

И Жанночка устремила к моему такси. Смирившись с обстоятельствами, я тоже прошлепала к машине. Переднее сиденье уже заняла Жанночка, так что мне досталось заднее. Хлопнув дверцей, соседка скомандовала:

– Сначала к администрации, потом куда девушка скажет.

– В заказе администрации не было, – недовольно проворчал таксист.

– Ну и что? У нас несколько изменились планы. Не хотите ехать, так и скажите. Мы другую машину вызовем, – заявила Жанночка, пристегиваясь.

– Ладно уж, заскочим к администрации. Только сумма будет другая, имейте в виду, – согласился таксист.

– Понятно, что другая. Танюш, у тебя денег хватит, а то я на мели? – поворачиваясь ко мне лицом, поинтересовалась Жанночка.

– Поехали уже, – попросила я. – Деньги есть.

– Отлично, – обрадовалась соседка.

До администрации мы ехали не больше пятнадцати минут, но за это время Жанночка успела ввести меня в курс дел всех жильцов. К тому моменту, как автомобиль затормозил у нужного крыльца, я была близка к тому, чтобы насильственным образом заткнуть рот надоедливой соседке. Выскакивая из машины, Жанночка вместо благодарности посетовала:

– Жаль, что ты не можешь дожидаться меня. Узнала бы первая результаты моего визита. И мне обратно не на трамвае пилить.

– Трогай, – шепнула я водителю, что он с радостью и исполнил.

Некоторое время мы с водителем ехали молча. Наслаждались не чайной уже тишиной. Потом водитель решил уточнить маршрут.

– Вас прямо к зданию управления доставить? – поинтересовался он.

– Да, – односложно ответила я.

Он еще какое-то время помолчал, но любопытство взяло-таки верх.

– Бойкая у вас приятельница, – осторожно заметил он.

– Что есть, то есть, – согласилась я.

– И как вы только ее выдерживаете? – осмелев, поинтересовался таксист. – Я бы с такой подругой недели не выдержал.

– К счастью, Жанночка не входит в число моих подруг, – улыбнулась я. – Соседка. Общественница и все такое.

– Понятно. Я почему-то так сразу и подумал, – выдал таксист.

– Что именно? – на этот раз вопрос задала я.

– Ну, что она вам не подруга, – объяснил водитель. – Халявщица?

– Что-то вроде того, – засмеялась я. – Да ладно. Не обеднею.

– Что, муж хорошо зарабатывает? – шутливо спросил таксист.

– Почему сразу муж? – удивилась я.

– Ну а кто же? У такой красивой девушки должен быть состоятельный муж. Разве нет? – заметил он.

– Необязательно. Вот у меня, например, мужа нет. И я нисколько об этом не жалею, – призналась я.

– Это еще почему? Все девушки мечтают выйти замуж, – не поверил он.

– Выходит, не все. Готовить борщи и стирать вонючие носки не кажется мне такой уж прекрасной перспективой, – пояснила я.

– Ну, это вовсе не обязательно, – снова возразил таксист. – А позволено ли мне будет поинтересоваться, что для вас является прекрасной перспективой? Любопытствую просто ради любопытства. Ничего личного.

– Ну, если ничего личного, тогда отвечу, – улыбнулась я. – Хорошей перспективой для себя я считаю любимую работу. Вот так вот просто и банально.

– Тоже неплохо. Удача, когда человек может позволить себе заниматься любимым делом. Мне, например, моя работа очень нравится. Дорога, урчание двигателя. Опять же, пассажиры, новые знакомства. Иногда такие люди интересные попадаются, любой психолог позавидует, – согласился водитель. – А вы кем работаете, если не секрет?

– Не секрет. Я сыщик. Частный детектив, – призналась я. – В моей работе тоже порой удивительные экземпляры человеческих особей попадаются.

– Детектив? Убийства, значит, расследуете? – уточнил таксист. – Нет, я бы не смог. Всю жизнь в чернухе копать, самому жить не захочется.

– Это с какой стороны посмотреть, – заметила я. – Перспективу приносить пользу людям, оказавшимся в трудных жизненных обстоятельствах, вы не рассматриваете? Ведь в этом заключается главная задача детектива. Не отыскать преступника, а помочь пострадавшему. Или вы не согласны с этим утверждением?

– Я как-то раньше не задумывался об этом, – извиняющимся тоном ответил он.

– И напрасно. Вот случись у вас, например, какая-то беда. Машину угнали, дом ограбили или на самого нападение совершили, разве не хотели бы вы, чтобы вашим делом занялись профессионалы? Разве не стремились бы во что бы то ни стало разобраться с обидчиками? – потребовала я ответа и, получив утвердительный кивок, продолжила: – То-то и оно. А если обстоятельства дела не так очевидны, как в случае угона машины или ограбления дома? Если вокруг вас происходят события, выходящие за рамки здравого смысла? Если вы в догадках теряетесь, что может означать происходящее? Если вы каждую минуту ждете беды? Ни спать, ни есть спокойно не можете, и даже ваша любимая работа перестает приносить удовлетворение, потому что в каждом пассажире вы видите угрозу, что тогда? Куда вы пойдете со своими подозрениями? В полицию? Вряд ли.

Я остановилась, сама не понимая, с чего так распалилась. Ну, задал мужик вопрос. Вполне заурядный вопрос. Я подобное слышу практически каждый раз, когда сообщаю незнакомым людям о роде своей деятельности. Чего кипятиться-то? Водитель молчал, бросая на меня виноватые взгляды. Надо как-то разрядить обстановку, ведь он ничего плохого, задавая свой вопрос, не подразумевал. Вот повезло мужику: от одной сумасбродки избавился, так вторая нарисовалась!

– Ну вот. Высказалась, и легче стало. Спасибо вам, – решив сыграть роль пациентки кабинета психотерапии, произнесла я. – А то вот так держишь все в себе, а потом срываешься. Вам, наверное, часто приходится выслушивать исповеди пассажиров?

– Случается, – расслабляясь, ответил таксист. – Правда, не такие горячие. Вы уж меня тоже простите. У меня и в мыслях не было обидеть вас.

– Да я понимаю. Непривычно слышать о том, что молодая девушка предпочитает замужеству расследования уголовных дел, – заметила я.

– Ну, о замужестве вы свое мнение еще измените. Вот встретите достойного человека, влюбитесь в него, тогда по-другому запоете. Уж можете мне поверить, – засмеялся таксист.

– Надеюсь, этого не случится, – на полном серьезе ответила я.

– Ой, не зарекайтесь, – пошутил таксист и притормозил возле управления. – Все, прибыли. Удачи вам в ваших запутанных делах.

– И вам удачи, – ответила я, расплатилась и вышла из машины.

Таксист посигналил на прощание и укатил. А я вошла в здание. Позвонила Кирьянову, сообщила о своем визите. Кирьянов распорядился выписать мне пропуск. Поднимаясь по лестнице, я вспомнила, что за разговорами с таксистом забыла заехать в магазин. Ну вот, хотела прийти с гостинцем, а теперь придется благодарить Кирьянова с пустыми руками. Эх, Танюша, Танюша, вечно ты о главном забываешь!

Друг встретил меня в дверях.

– Ну, покажись-ка! Пр продемонстрируй работу отечественной медицины, – подхватывая мою руку, протянутую для рукопожатия, потребовал он. – Залатали тебя медицинские работники? Вижу, залатали.

– Это точно. Работа ювелирная. Ни за что не догадаешься, что каких-то пару недель назад я и думать не могла о том, чтобы на левую ногу наступить. А все благодаря вам, Владимир Сергеевич. Если бы не ваша помощь... – проговорила я.

– Ну, началось, – перебил меня Кирьянов. – Вот если бы не ты, то рецидивист Обух до сих пор был бы на свободе. Санаторий – это меньшее, чем мы могли тебя отблагодарить. И хватит об этом. Проходи, буду тебя твоим любимым напитком потчевать. Мне тут недавно приборчик презентовали, закачаешься.

Я прошла в кабинет. На самом видном месте красовался аппарат для приготовления «кофе по-восточному». Недавно я приценивалась к этому чуду техники, работающему от электричества и гарантирующему кофеманам незабываемые ощущения от приготавливаемого с его помощью напитка. Цены, прямо скажем, кусались. Я посчитала данный бытовой прибор излишней роскошью и покупать его передумала. А вот у Кирьянова это чудо техники откуда-то появилось. Интересно, он знает, сколько стоит его «приборчик»? Наверняка нет, иначе отказался бы от такого презента, кто бы ему его ни сделал. Просвещать Кирию на этот счет я не стала.

Кирьянов сразу принялся готовить напиток. Действовал он умело. В чайнике подогрел воду, влил кипяток в турку, дождался, пока песок прогреется с помощью электрических ТЭНов, и только после этого поместил турку в центр песка, предварительно засыпав в нее положенную порцию молотого кофе. Я поражено наблюдала за ним.

– Что, удивляешься, как это я так ловко управляюсь с незнакомым агрегатом? – поймав мой взгляд, произнес Кирьянов. – На самом деле ничего удивительного в этом нет. Я специально тренировался. Готовился к твоему приходу.

– Сражена! – только и смогла ответить я.

– Ладно, рассказывай, как ты? Как нога? Каковы перспективы? – потребовал он.

– Нога в порядке. Перспективы неоднозначны, – ответила я. – Если хватит терпения, то о связках забуду надолго. В противном случае – только костыли.

– Что значит «если хватит терпения»? – переспросил Кирьянов.

– Ну, всякие медицинские ограничения, – уклонилась я от прямого ответа, но друг не успокоился.

– Хотелось бы поподробнее, – потребовал он.

– Месяц без машины – это раз. Шесть месяцев без беготни, прыжков и других физических нагрузок на ногу – это два. Ну и процедуры. Зарядка, массаж, физиотерапия – это три, – вынуждена была отчитаться я.

– И в чем проблема? – удивился Кирьянов. – Не можешь зарядку делать? Или попрыгать страсть как охота? По поводу вождения тоже не такая уж проблема. В городе есть такси. Или можно водителя на месяц нанять. Даже дешевле выйдет.

– А работа? – напомнила я. – Хорош сыщик, который даже погнаться за преступником не может. Или я буду заранее сообщать жертве: извини, мол, мил-человек, но в этом расследовании давай обойдемся без погонь. Ножка болит, войди в положение. Постой на месте, пока я до тебя доковыляю и арестую.

– Отставить иронию, – приказал Кирьянов. – Месяц – не такой долгий срок. Пока о расследованиях придется забыть. Если не хватит сбережений, помогу. Не чужие люди.

– Ни за что! – решительно воспротивилась я. – Лучше инвалидность. И потом, совершенно не обязательно, что мне понадобится бегать за преступниками. Вполне возможно, что ко мне придет клиент с банальной квартирной кражей. Я посижу, подумаю и вычислю злоумышленника.

– Это ты сейчас кого уговариваешь? Госпожу Удачу? – засмеялся приятель, разливая кофе по чашкам. – Вот бы и мне так. Пошептался с данной госпожой и раскрыл преступление. Кирьянов вздохнул так тяжело, что на столе посуда чайная зазвенела.

– Проблемы? – насторожилась я.

– Ерунда. Не бери в голову. Обычные рутинные заботы, – поспешил отмахнуться он и перевел разговор на другую тему: – Ну, чем планируешь заняться в ближайшее время?

– Пока не знаю. – На этот раз пришла моя очередь вздохнуть. – Выбор невелик. Буду ждать очередного клиента, а в ожидании займусь переводами. Заодно английский подтяну.

– Вот и молодец, – похвалил Кирьянов.

Внезапно дверь открылась, и в кабинет ввалился всклокоченный майор.

– Вызывали, товарищ подполковник? – гаркнул он.

– Ну, чего орешь, Заблоцкий? Чай, не на плацу, – недовольно поморщился мой друг. – Я тебя когда вызывал? Час назад. А ты когда явился?

– Так на задании был. Трегубов объявился. С ребятами на задержание ездил, – доложил майор. – Вот только что освободелся. Сразу к вам.

– Попозже зайди. Не видишь, гостя у меня, – кивая в мою сторону, объяснил Кирьянов.

– Вы ж сказали, дело срочное, – пожал плечами майор. – Дежурный, видно, перепутал.

– Ничего он не перепутал. Дело действительно срочное. Но полчаса подождет, – оборвал его мой приятель.

– Не обращайтесь на меня внимания, Владимир Сергеевич. Если дело срочное – обсуждайте. Я вам не помешаю. Посижу тут в сторонке тихонечко. Кофе допью. Или могу в коридоре подождать. Чего зря майора гонять? – ангельским голоском заявила я, как можно невиннее глядя в глаза Кирьянову.

– Знаю я твое «не помешаю», – проворчал он, но из кабинета выпроваживать не стал.

И майора не выпроводил. Указав на свободный стул, приказал:

– Садись, майор, введу тебя в курс дела, раз уж ты пришел.

Майор благодарно улыбнулся мне и занял стул напротив подполковника.

– Речь пойдет о нашем самоубийце, – начал Кирьянов. – Помнишь случай в Студеном тупике?

– Так точно. Покойник – Филипп Мальцев. Повесился в собственном доме. Предсмертная записка не найдена. Дело закрыто за отсутствием состава преступления и передано в архив, – отрапортовал майор.

– Не дошло оно до архива, товарищ майор. К великому нашему прискорбию – не дошло, – заявил мой приятель. – Звонок поступил сверху. Дело отправить на следствие. Придется нам еще какое-то время копаться в личной жизни нашего бомжеватого самоубийцы. Вот так вот.

Майор в удивлении приподнял брови.

– Чего там копаться-то? Я ж лично докладывал: погибший вел маргинальный образ жизни. Красть у него нечего. Врагов даже в среде ему подобных не имеется. А что касается мести, так ему и мстить не за что. Совершенно безобидный дядька. Перепил, вот и полез в петлю. Нам-то до этого какое дело? – возмутился он.

– Отставить разговорчики, – потребовал Кирьянов. – Сказано: начать повторное расследование. И чтоб никаких самоубийств! Вам ясно, товарищ майор?

– Так точно, – вскочил со стула Заблоцкий. – Только что делать, если повторное расследование ничего, кроме самоубийства, не выявит?

– Вот вы сначала поработайте, а потом вопросы задавайте, – отмахнулся Кирьянов. – Сам знаю, что пустым делом заниматься будете. Только с начальством не поспоришь. У нашего маргинала родственник объявился. Большая шишка, судя по всему. Так вот родственник этот крайне недоволен вердиктом. Самоубийство, видите ли, плохо скажется на репутации членов семьи. Допустить этого нельзя.

– Будто убийство намного лучше для репутации, – вставила я.

– Вот и я о том же. Только кто нас слушать будет? – машинально ответил Кирьянов.

– А в чем там суть? – спросила я.

– По-твоему, так выглядит «тихонько посижу»? – съязвил друг и, повернувшись к майору, закончил: – Вам все понятно, майор?

– Так точно. Все предельно ясно, товарищ подполковник, – отчеканил тот.

– Ну так выполняйте. О ходе расследования информировать без промедления. В любое время дня и ночи, – добавил Кирьянов.

– Слушаюсь. Разрешите идти? – козырнул майор.

– Идите. И постарайтесь закончить с этим делом как можно быстрее, – напутствовал Кирьянов.

Когда майор удалился, приятель некоторое время молчал, потом произнес:

– Вот, Танюша, какими делами приходится заниматься. Противно, но неизбежно. Сам генерал на особый контроль нашего маргинала взял. Докладывать велено два раза в день. И результат – не позднее следующей недели. А где я ему этот результат возьму? Дело там абсолютно однозначное. Надоело мужику землю бесцельно топтать, вот он и решил проблему кардинальным образом. Нет жизни – не нужна и цель.

– Быть может, я смогу помочь? – робко предложила я. – Если все так, как ты говоришь, опасности для меня никакой нет. Ни бегать, ни прыгать не придется. А с головой у меня, к счастью, все в порядке. Свежий взгляд вам сейчас как нельзя кстати.

– Нет, Танюша, тебе отдыхать предписано, а не по злачным местам таскаться. Знаешь, где наш незабвенный самоубийца работал последние десять лет? На городской свалке! Представляешь, что у него дома творится? Я лично на место происшествия не выезжал, но весьма о нем наслышан. Даже наши выдавшие виды опера, и те в легком шоке от его жилья пребывают. Этот Мальцев тащил в дом все, что ему на свалке приглянется. Там, чтобы по комнате передвигаться, компас иметь надо, иначе можешь заблудиться, как в лабиринте, – проговорил Кирьянов.

В его голосе я уловила оттенок сомнения. Может, рассматривает-таки перспективу моего подключения к этому делу? В таком случае нужно только немного поднажать, и дело в шляпе.

– Тогда хоть просто расскажи, что там произошло и что за фрукт этот высокопоставленный родственник покойного? – попросила я. – Кто знает, может, хоть советом помогу. Это ведь безобидная просьба, верно?

– Попробовать можно, – согласился Кирьянов и начал рассказ.

Суть заключалась в следующем. Два дня назад в дежурное отделение полиции обратился бомжеватого вида мужчина. Заявил, что в доме по улице Первый Студеный тупик обнаружен труп. Вернее, мужчина объявил, что пришел к другу в гости и застал его в петле. Дал точный адрес, назвал фамилию и имя висельника и даже вызвался проводить оперативную бригаду до места. А то, мол, полдня блуждать будут. Опера выехали на адрес и действительно обнаружили в частном доме Студеного тупика мужчину, висящего в петле.

Осмотр дома ничего криминального не выявил, за исключением одного факта. Табурет, с которого должен был спрыгнуть висельник в случае самоубийства, был настолько хлипким, что оставалось лишь удивляться, как он смог выдержать вес взрослого, довольно упитанного мужчины хоть пару минут, необходимых для того, чтобы осуществить задуманное. Но оперативники – народ бывалый. И не такие странности видели. Они посчитали этот факт несущественным. Опросили соседей. Пообщались с бомжом, сообщившим о случившемся. И благополучно дело закрыли. За отсутствием состава преступления. Судмедэксперт был с ними абсолютно солидарен. Вердикт «самоубийство» удовлетворил всех. В том числе и начальство.

Для проформы опера отыскивали родственников висельника. Бывшая жена претензий к следствию не имела. На вопрос, мог ли Филипп Мальцев добровольно расстаться с жизнью, ответила положительно. Мол, допьешься до чертиков, пожалуй, полезешь в петлю.

На том бы все и закончилось, если бы сегодня с утра не случился этот звонок. Звонил генерал и требовал дополнительного расследования. К нему, мол, лично обратились. Кирья-

нов любопытствовал, кому нашлось дело до спившегося мужика? И получил ответ. Звонок был аж из самой Первопрестольной. Ни много ни мало с Петровки. Тамошнего генерала побеспокоил некий гражданин Увеков с просьбой подстегнуть нерадивую полицию Тарасова к решительным действиям. Он, видите ли, категорически против того, чтобы в семье, к которой по трагическому стечению обстоятельств относится висельник Филипп Мальцев, появились самоубийцы. Ведь и он сам, и его родственники являются членами этой семьи. Он просит высокое московское начальство заставить местные власти Тарасова признать смерть Филиппа убийством. Пусть даже нераскрытым. Главное – исключить из вердикта первую часть.

Кириянов попытался отбрехаться, ссылаясь на непреложные факты, говорящие об обратном. Но, увы, слушать его генерал не захотел. Так и сказал: чтобы через неделю доказательства насильственной смерти Мальцева были у него на столе. Хоть выдумывайте, говорит, а доказательства предоставьте. Мне, мол, из-за какого-то нищего погоны терять неохота.

– Вот такие вот дела, Танюша, – подытожил Кириянов.

– Ну и воспользовался бы советом начальства. Приписали пару незначительных деталей. Нашел сговорчивого свидетеля, готового подтвердить факт насильственной смерти, и сдал дело в архив, – предложила я.

– Не могу я так! – вскричал приятель. – Ну что я за полицейский после этого? Так, фикция одна. Нет, нужно найти такие доказательства, чтобы высокое московское начальство вынуждено было признать нашу правоту. Я скорее предсмертную записку подделаю, чем обвиню неизвестного человека в преступлении!

Кириянов горячился. Конечно, ни того ни другого он делать не станет. Не такой он человек. А вот копаться в данном деле своих оперов заставит, это факт. И будут бедные опера гоняться за призраками до тех пор, пока высокому начальству не надоест курировать это дело или не появится более важный проситель. Думаю, на это и был у Кириянова главный расчет.

– Что за фрукт этот московский проситель? – любопытствовала я.

– Да кто его знает? То ли брат жены покойного, то ли ее дядя. То ли еще кто. Да и какая, собственно, разница? Ишь, выискался гусь! Самоубийство ему не по нраву. А при жизни небось ни разу с этим самым Мальцевым даже не встретился. И обстоятельствами его жития-бытия не интересовался. А тут выплыл, как... Э, да что теперь говорить! Что делать – ума не приложу.

Кириянов хмуро смотрел в пол. Я молчала. Знала, что после его раздумий последует. Так и вышло. Друг вскоре несколько повеселел и предложил:

– А что, Татьяна, может, и правда тебя этим делом озадачить? Ты мыслишь неординарно. Глядишь, и накопаешь что-нибудь, что удовлетворит московского гуся?

– А я согласна, – произнесла я. – К тому же интуиция подсказывает мне, что в этом деле существуют свои подводные камни.

– Например? – удивленно глядя на меня, поинтересовался Кириянов.

– Например – табурет. Ведь ты сам сказал, что с помощью такого хлипкого предмета мебели висельник и до петли вряд ли дотянулся бы. Вот ноги поломать – это запросто. Почему бы не проверить эту версию? – проговорила я.

– По-моему, она весьма сомнительная, – возразил Кириянов.

– Пусть так, – не стала спорить я. – А сам факт вмешательства дальнего родственника? Это ли не странность? Как факт самоубийства Мальцева может негативно сказаться на репутации его семьи? Разве только сам, московский гусь, просветит на этот счет своих близких и знакомых. Но это уж совсем глупо. Нет, не о репутации семьи он печется, поверь моей интуиции.

– Тогда ради чего весь этот сыр-бор? – задал мой друг резонный вопрос.

– А вот это еще предстоит выяснить, – ответила я.

В этот момент в дверь кабинета постучали.

– Входите, – разрешил Кириянов.

Дверь открылась, и на пороге возник мужчина. В штатском. Оглядев нас, он прошел на середину кабинета и задал вопрос.

– Я ищу подполковника Кирьянова. Это вы? – посетитель вопросительно смотрел на моего приятеля.

Тот кивнул и жестом предложил посетителю присесть. Мужчина придиричиво оглядел предложенный стул и остался стоять.

– Я Увек. Вам должны были звонить насчет меня, – деловито представился он.

– Очень приятно. Подполковник Кирьянов. Так кто и по какому вопросу, вы говорите, должен был мне звонить?

– Я из Москвы. А звонить должны были с Петровки, – пояснил посетитель. – Речь идет о моем родственнике, Филиппе Мальцеве. Припоминаете?

Мы с Кирьяновым переглянулись. «Так вот как выглядит «московский гусь», – одновременно подумали мы. Кирьянов повторно предложил гостю сесть. Тот снова предложение проигнорировал. Вместо этого он заявил:

– Я здесь для того, чтобы разъяснить ситуацию. Дело в том, что смерть Филиппа, его якобы самоубийство, совершенно не вписывается в генеалогическое древо нашего рода. И я пытаюсь исправить ситуацию. Надеюсь, вы мне в этом поможете, товарищ подполковник.

– Генеалогическое древо? – в два голоса воскликнули мы с Кирьяновым.

– Да. А что вас так удивляет? Между прочим, я по профессии историк и созданием генеалогического древа занимаюсь уже несколько лет. Я отыскал корни наших предков до шестого колена. И ни в одном колене никогда, слышите, никогда не было самоубийц. Я хочу, чтобы так оставалось и впредь, – высокомерно заявил Увек.

– Скажите, вы лично были знакомы с Мальцевым? – вкрадчиво поинтересовался мой друг. – Я имею в виду, можете ли вы утверждать, что знали покойного настолько хорошо, что абсолютно уверены в невозможности факта самоубийства? Как часто вы приезжали в Тарасов для общения с покойным? Когда виделись в последний раз?

– Ваши вопросы не имеют никакого отношения к моей проблеме, – скривился Увек. – Да будет вам известно, я никогда не общался с Мальцевым. И в вашем городе я впервые. Ваша задача – исключить возможность навесить на нашу семью этот мерзкий ярлык. Самоубийца в семье! Уму непостижимо!

– А что вам мешает не упоминать о данном факте при написании летописи? – с иронией в голосе спросила я. – Или же вы могли бы вовсе исключить Мальцева из вашего драгоценного древа.

– Простите, нам обязательно вести беседу при посторонних? – поморщившись, спросил Увек. – Вы же понимаете, что дело сугубо конфиденциальное. Или вас не предупредили?

– Татьяна Александровна не посторонняя, – заявил Кирьянов. – Как раз перед вашим приходом мы обсуждали с ней перспективы этого дела.

– Обсуждали? С ней?! – вскричал Увек. – Простите мне мою бестактность, но у вас что, в отделе с мужчинами напряженка? Неужели нельзя поручить это дело кому-то более компетентному?

– Да будет вам известно, Татьяна Александровна – самый компетентный человек в распутывании подобного рода вопросов, – наставительно произнес Кирьянов. – Между прочим, мне стоило больших трудов уговорить ее взяться за ваше дело.

Я усмехнулась про себя. Интересно, что Кирья подразумевает под словом «уговорить»? Скорее это мне пришлось его уговаривать. Но ему виднее. Раз он думает, что заказчик должен считать мою помощь его личной заслугой, пусть так и будет. Увек же, не обращая на меня никакого внимания, продолжал говорить так, будто меня в кабинете не было.

– Интересно, с каких это пор подполковнику полиции приходится уговаривать своих подчиненных заняться тем или иным делом? – скептически заметил он.

– А Татьяна Александровна не является моей подчиненной, – парировал Кирьянов. – Она – частный детектив и занимается расследованием в качестве личного одолжения. Как вы сами понимаете, одолжение она делает не вам.

– Только этого мне не хватало! – Увеков театральным жестом схватился за голову. – Частный сыщик! Хороша помощь!

– А что вас не устраивает? – спокойно спросила я. – Насколько мне известно, вы заинтересованы в скорейшем результате. Разве нет? Так вот, моя помощь вам его и обеспечит.

– Ни в коем случае! – категорично заявил Увеков. – Я обратился за помощью в правоохранительные органы. От них я и жду результата. А кормить приживалок от частного сыска я не намерен. Так и зарубите себе на носу, госпожа сыщица. От меня вы не получите ни копейки. А вам, товарищ подполковник, нужно более осмотрительно выбирать методы работы. Это ж надо придумать, позвать на помощь частного детектива! Представляю, как на это отреагируют на Петровке.

Кирьянов побагровел. Я видела, что он еле сдерживается, чтобы не выставить нахала из кабинета. «Если он это сделает, его карьере конец», – пронеслось у меня в голове. Чтобы не допустить непоправимого, я встала, подошла вплотную к господину Увекову и, глядя ему в глаза, спокойно проговорила:

– Слушайте меня внимательно, господин Увеков. И советую запомнить каждое мое слово. Прибегнуть к моей помощи подполковник Кирьянов собирался исключительно в ваших интересах. Причем вам бы это не стоило ни копейки. Но раз вы так относитесь к сложившейся ситуации, я ухожу. Но запомните: делом этим заниматься я буду. Поверьте, мне не составит труда найти заинтересованное лицо, готовое стать моим клиентом. Я буду действовать исключительно в рамках закона. А вот когда я добьюсь нужных вам результатов, вы получите их сможете, только раскошелившись. Всего хорошего.

Я подхватила сумочку и покинула кабинет под взглядами Увекова и Кирьянова. Первый смотрел мне вслед ошарашенно, второй – обескураженно. Но меня это не волновало. Я была довольна собой, как никогда. Должен же был кто-то поставить на место этого зарвавшегося москвича!

Пока я шла до машины, успела несколько остыть. Ситуация теперь виделась мне несколько в ином свете, и я начала чувствовать угрызения совести. Надо же было так подвести Кирию! В том, что я его подвела, сомнений не было. К нему явился высокопоставленный гость, протеже из самой Первопрестольной, а я его мордой в грязь. Еще и угрожала! Ну что за день сегодня такой! Сначала таксист, теперь вот Киря. Наверное, это жара так на меня действует. Эх, нужно было дома остаться. Интересно, что там у Кири происходит? Увеков, поди, рвет и мечет. Еще жаловаться вздумает. Тогда Кирьянову точно не поздоровится. И прежние заслуги не помогут. А ведь у него семья, дети. Их кормить надо. И что же делать? Может, вернуться? Извинюсь, пообещаю больше не грубить и в расследование нос не совать... Нет, на это я даже ради спасения кирьяновской шкуры пойти не могу. Самый лучший способ реабилитировать Кирьянова в глазах протеже с Петровки – это выяснить причину смерти Филиппа Мальцева. Чем быстрее я с этим справлюсь, тем лучше для моего приятеля. А от Увекова он как-нибудь отобьется. По крайней мере, я искренне на это надеюсь.

Позвонить Кирьянову сейчас было бы равносильно тому, как если бы я вдруг надумала войти в клетку к разъяренным тиграм. Жизнь моя мне пока еще дорога. А раз уж прощаться с ней я не собираюсь, самое время заняться делом. Кое-какие мои предположения требовали немедленного подтверждения. Говоря Кирьянову об интуиции, я не преувеличивала. В какой-то момент у меня действительно появилось ощущение, что в чем-то этот «московский гусь», пожалуй, прав. Сам факт, что маргинал решился свести счеты с жизнью, наводит на размышления. Насколько я могу судить, подобные личности лишены угрызений совести. На то они и маргиналы. Вне предрассудков общества, вне общественного мнения. Если Мальцев и покончил

с собой, для этого должны быть веские причины. Должно было в его жизни произойти некое событие, пробудившее угрызения совести. Или хотя бы заставившее задуматься об образе жизни. О его неправильности. А так, ни с того ни с сего? Сомнительно.

Я не стала выжидать возле управления, поехала сразу домой. Туда попасть я торопилась по той причине, что именно дома я могла найти подтверждение своим интуитивным догадкам. Войдя в квартиру, я сразу прошла к тумбочке, в которой хранила магические кости. Вот сейчас попрошу у них совета, и все встанет на свои места. А с Кирьяновым еще успею разобраться.

Кости долго крутились по столешнице, как бы дразня меня. Хочешь скорого ответа, Танюша? Так на тебе, учись терпению. А то в последнее время нервишки у тебя шалют. Бросаясь на людей, что кошка дикая. А терпение, как и терпимость, вещь ой какая полезная. Вот сидишь же ты и терпеливо ждешь вердикта. Почему бы не поступить так же и в кабинете Кирьянова? Так нет же, сорвалась. Нагрубила. Подвела хорошего человека. А ведь он на тебя надеялся!

Втянувшись в процесс самоедства, я пропустила момент, когда кости остановились. Когда внимание мое вернулось к столешнице, двенадцатигранники спокойно стояли каждый на своем месте и удивленно глазели на меня. По крайней мере, так мне показалось. Удивляться было чему. Ждала, ждала ответа, а когда этот ответ пришел, я даже не заметила этого. Сосредоточившись на цифрах, я отыскала в памяти их трактовку и разочарованно присвистнула: «13+30+3 – Вас порядочно расстроило одно незначительное обстоятельство, которому из-за своей впечатлительности Вы придали слишком большое значение».

Вот так фортель! Хотела спросить об одном, а ответ получила на другой вопрос. Что ж, вполне закономерно. Вместо того чтобы думать о предстоящем расследовании, я занималась самобичеванием. Вот кости и рассеяли мои сомнения. Выходит, то обстоятельство, что я нахамила Увекову, является незначительным? Похоже на то. Ну, это хорошо. Хотя успокоюсь относительно Кирьянова. Как будто в ответ на мои мысли, зазвонил телефон. На связи был мой друг.

– Еще раз здравствуй, – виноватым голосом поздоровалась я.

– Остыла? – вместо приветствия спросил Кирьянов.

– Ага. Вроде остыла, – констатировала я. – Увеков сильно возмутился?

– Кто бы ему дал возмущаться! – заявил Кирьянов. – Он еще и извинялся потом. Ты дома?

– Где ж мне быть? – вопросом на вопрос ответила я.

– Кто тебя знает? Может, горькую пить отправилась. С горя, – пошутил он, зная мое негативное отношение к крепким алкогольным напиткам.

– Смешно, – произнесла я.

– Ну, вот что. Собирайся и приезжай. Буду тебя в курс дела вводить, – приказал Кирьянов. – Или наши договоренности вылетели в трубу?

– А как же Увеков? – поинтересовалась я. – Согласился на мое участие?

– Ты его в известность ставить собираешься? – задал встречный вопрос приятель.

– Я не поняла, мы что, за его спиной действовать будем? – уточнила я.

– Нет никакой спины. Увеков сегодня же в Москву возвращается. Ночным рейсом. Все, что хотел, он тут уже продемонстрировал. Так что руки у нас свободны, – заявил Кирьянов. – Если не передумала помогать, то живо в управление. Я тебе материалы дела покажу. И познакомлю кое с кем. Думаю, будет не лишним.

– Тридцать минут, и я у тебя, – проговорила я, хватая сумку.

Все-таки молодец Кирьянов. И как это ему удалось заставить Увекова извиняться? Жаль, не довелось поприсутствовать. Любопытное зрелище, судя по всему. Такие мысли крутились у меня в голове весь путь до управления. Но как только я переступила порог кабинета приятеля,

все посторонние мысли улетучились из головы в мгновение ока. В кабинете, помимо подполковника, находился все тот же майор. Только на этот раз опрятно одетый и гладко причесанный.

– Проходи, Татьяна, присаживайся, – пригласил Кирьянов. – Вот товарищ майор любезно согласился познакомить тебя с деталями дела. Майор Заблоцкий Валерий Павлович. Прошу любить и жаловать. А это Татьяна. Татьяна Александровна Иванова. Ну что, познакомились? А теперь идите, мне работать надо.

Кирьянов уселся в кресло и зашелестел бумагами. Мы с майором переглянулись и тихонечко ретировались.

Глава 2

– Ну что, добро пожаловать в ряды везунчиков! Вас-то за что? – спросил майор, как только мы покинули кабинет.

– В смысле «за что»? – не поняла я.

– Ну, в ссылку за что? Вы, насколько я понял, даже сотрудником управления не являетесь. А поди ж ты, сослал Кирьянов, – пояснил майор.

– А, вы о деле? – сообразила я. – Да нет. Я здесь по личной инициативе. Доброволец, так сказать.

– Чего только на свете не бывает, – подозрительно глядя на меня, протянул майор. – Болезнь, что ли, какая?

– При чем здесь болезнь? – ошетилилась я, предполагая, что майор намекает на мою недавнюю травму.

– Ну, со здоровой психикой ни один человек не захочет заниматься этим делом, – пояснил он, улыбаясь.

– Послушайте, товарищ майор, я сегодня несколько не в духе. Дважды я уже сорвалась, не хотелось бы, чтобы ваша персона оказалась в числе «счастливой троицы». Я ясно выразилась? – чувствуя, что закипаю, произнесла я.

Как ни странно, он меня понял с первого раза. Очередной шуточки не последовало. Вместо этого он серьезным тоном предложил:

– Есть два варианта. Можем пройти в мой кабинет и побеседовать там. А можем обосноваться в местной столовой. Поедим. Заодно и дело обсудим. Признаться честно, я страх какой голодный.

– В столовую, так в столовую, – согласилась я.

– Вот за это отдельное спасибо, – обрадовался майор. – А то у нас как бывает? Не успеем поговорить, как тут же новое дело нарисуеться. Придется на выезд гнать. Тогда уж до утра о пище и не мечтай.

Он повел меня в столовую, по дороге развлекая офицерскими байками. Я слушала его вполуха, для приличия улыбаясь в тех местах, где, по моему мнению, должно было быть смешно. Заказав комплексный обед на две персоны, майор перешел от баек к делу.

– Ситуация у нас аховая, Татьяна. Дело это выеденного яйца не стоит. А начальство требует результатов. Честно говоря, мне вас даже жаль. Сомневаюсь, что вы сумеете откопать что-то новое, – посочувствовал мне он.

– Отрицательный результат – это тоже результат, – заметила я.

– Это смотря для кого, – возразил майор. – Вот для подполковника, например, отрицательный результат равен строгачу.

– Давайте приступим к обсуждению деталей, – предложила я. – А там посмотрим.

– Ну, хорошо. Обстановка такова. Личность покойного подозрений не вызывает. Соседи отзываются о нем сдержанно положительно.

– Это как? – уточнила я.

– Ну как? Особых претензий к соседу не имеют, хотя и нахваливать не нахваливают. Тихий, незаметный мужичок. По дворам не шастал. Шумных пьянок не устраивал, хоть бомжи со всей округи временами у него тусовались. Жить он их к себе, правда, не приглашал. Так, попьют и разойдутся. Ни драк, ни скандалов не было, и то хорошо. Так соседи говорят, – пояснил майор.

– С этим более или менее понятно, – отметила я.

– Теперь что касается семьи. Имелась у Мальцева жена. Родили сына. Все это было во времена его преподавания в университете, – принялся излагать майор.

– Так он в университете преподавал? Неожиданно, – перебила я его.

– Это да. Покойничек наш действительно был преподавателем. Истории русской литературы, представьте себе, – пояснил майор. – Потом что-то там у него не срослось. То ли с университетским начальством не сработался, то ли на взятке погорел, не знаю. Впрочем, к делу это не относится. Короче, выперли его из университета. Некоторое время он репетиторством на хлеб зарабатывал, но начал попивать, и студенты от него разбежались. Вот тогда-то он запил основательно. В итоге вытурила его и жена. Развелась. Сын остался с ней. А Мальцев отправился жить к двоюродной бабке, которая к тому времени уж плесенью от старости покрылась. Бабка его пожалела и, несмотря на его пристрастие к спиртному, успела при жизни отписать ему дом. Так Мальцев стал обладателем халупы в Студеном тупике. Жилье хоть и незавидное, зато свое. Перед смертью бабка пристроила внучка в «теплое местечко», где таких, как он, долго начальство терпит. То бишь на свалку.

– Не бабка, а лотерейный билет, – пошутила я.

– Вот-вот. Если бы не эта старуха, он давно бы уже спился окончательно. А так он и под крышей, и при деле. Нравилась ему работа или от безысходности, но и после смерти бабки Мальцев остался работать на свалке, – продолжал майор.

– Откуда эти сведения? – поинтересовалась я.

– Жена рассказала. Время от времени она с мужем общалась. Как-никак он отец ее ребенка. Это она так объяснила, – ответил мой собеседник.

– Понятно. Что дальше?

– Дальше – хуже. Чем жил Мальцев последний год, бывшая жена не интересовалась. Единственные свидетели его жизни – бомжи. Но им веры особой нет. Наплетут с три короба, лишь бы на опохмел заработать. Вот по их словам, никаких особых событий в жизни Филиппа не происходило. За два дня до смерти у него компания собиралась. Получку обмывали. Все деньги сразу Филипп никогда не пропивал. Делил на части, чтоб надолго хватило. Дружки его привычку хорошо знали и не особо в уговорах усердствовали. Бережливость Мальцева и им на руку была. Погудят у него, разойдутся. А через несколько дней снова к нему. У него уж припасено. Снова погудят и снова разойдутся. Так за месяц раза четыре приложатся. И Мальцеву не скучно, и бомжам отрада. Питье халявное. В свой последний визит бомжи странно-стей в его поведении не наблюдали. Все как обычно. Купил красненькую. У соседской бабки самогонкой разжился. Закусь приготовил. С собственного огорода. Огурчики, помидорчики, перец болгарский.

– Он еще и огород держал? – снова удивилась я.

– Ну да. Земля-то под боком. Бомжи в один голос утверждают, что Мальцев любил в огороде копаться. Семенами его все та же соседка снабжала, та, что самогонку ему толкала. Сердобольная женщина, – усмехнулся майор. – Не нравилось ей, если пьют без закуси.

– Значит, про смерть Мальцев не заговаривал? – спросила я.

– Ни разу. Ни в разговоре с бомжами, ни в беседах с соседкой. Но это еще ничего не доказывает, – поспешил добавить он, усмотрев в моем взгляде вопрос.

– А вот мне это кажется подозрительным, – заметила я.

– Да не было в этом ничего подозрительного. После попойки два дня прошло. За этот срок столько всего измениться могло, – возразил майор.

– Например? – спросила я.

– Да не знаю я. Мало ли что? – вскинулся он. – Может, просто тоскливо стало мужику.

– Мог бы дружков позвать, тоску разогнать, – не отступала я. – Он на работу в эти дни ходил?

– Вроде да, – неуверенно произнес майор.

– Что значит «вроде»? Вы что, не ездили туда? – догадалась я.

– Чего ради? Ведь и так ясно, что повесился мужик. Чего нам на свалку тащиться? Только время тратить, – начал защищаться мой собеседник.

– Ладно, после разберемся. Что еще? – махнула я рукой.

– Через два дня одному из приятелей Мальцева похмелье покоя не давало. У самого ни денег, ни бухла не было. Все с ночи пропил. Ну, решил он к Мальцеву навеститься. Тот, правда, подобные визиты не поощрял, но, если кого припрет, выручал. Бомжи старались не злоупотреблять этим. Представьте себе, есть и у бомжей своего рода кодекс чести, – рассмеялся майор. – Время было раннее, часов шесть утра. Мальцев должен был быть еще дома. На работу он уходил часов в семь. Пришел к нему страждущий, стучал, стучал – никто не отзывается. Решил дверь подергать на случай, если хозяин закрыть забыл. Торкнулся, и правда открыто. Вошел, хозяина покликнул. В ответ – тишина. Прошел в комнату, а там сам хозяин, собственной персоной, в петле болтается. Бомж испугался и убежал.

– Выпивку прихватил? – спросила я.

– Говорит, сразу сбежал. Пару часов по знакомым бегал. По бомжам то есть. Те охали, ахали, но в полицию идти отговаривали. Засадят, говорят, ни за понюх табаку. Просто для остротки. Но бомж все же пошел. Не смог, говорит, мысль отбросить, что Филя в петле гнить будет. Столько, говорит, вместе выпито, а когда у человека нужда, так его мухам на обсыжку оставлять? Вот такая крепкая дружба, – то ли шутя, то ли всерьез проговорил майор.

– Вы на выезде были? – предположила я.

– Был. Я и еще один опер. Приехали мы туда, все осмотрели, экспертов вызвали, показания с соседей сняли – и в отдел. Случай-то не наш, – заметил он.

– Что вы увидели в доме? – перебила я.

– Мусор. Много мусора, – усмехнулся майор. – Там весь дом хламом завален. И еще половина двора. Только небольшой пяточок и свободен, на котором покойный огород разводил.

– Мусор или хлам? – уточнила я.

– А в чем разница? – не понял вопроса он.

– Разница принципиальная, – пояснила я. – Использованные пакетики чая, пустые бутылки из-под пива, шелуха картофельная – это мусор. А старые, вышедшие из употребления штилеты, рамки от картин, самовары и помятые чайники – это хлам. Разницу уловили?

– Тогда, если по вашей классификации брать, дом был завален хламом, – уточнил майор.

– Что-то особенно странное увидели? – не унималась я.

– Ничего. Только табурет, с которого покойник в бесконечность сиганул.

– Об этом мне подполковник уже рассказывал. Хотела уточнить. Как вы определили, что на табурете стоять невозможно? – спросила я.

– А чего там определять? Вот вы, например, можете с ходу определить, сама женщина волосы красит или прибегает к услугам парикмахера? У мужчин практически так же, только в отношении прочности мебели, – провел параллель майор.

– Основная идея мне понятна, – заявила я. – Что в отношении следственного эксперимента? Вставал из вас кто-нибудь на этот табурет?

– Мы ж опера, а не каскадеры, – искренне обиделся собеседник. – Кому охота ноги ломать. Говорю же, табурет этот и блоху не выдержал бы. Мы решили, что он под весом висельника так перекорежился. А уж как он умудрился на нем устоять, пока голову в петлю совал, история умалчивает.

– В доме были другие табуреты или стулья? Попрочнее? – спросила я.

– Были. Но это тоже ничего не доказывает. Может, он нарочно этот колченогий выбрал. Боялся, что в последний момент решимости не хватит. А тут наверняка, – выдал предположение майор.

– Логично, – не стала я дальше спорить. – Что насчет веревки? Она тоже из арсенала находок со свалки?

– Не думаю, – помявшись, ответил майор. – Веревка была новая. Капроновая. Будто специально для этих целей купленная.

– Магазин, где Мальцев мог ее приобрести, пытались установить? – без особой надежды на положительный ответ спросила я.

Собеседник снова замялся. Ответа дожидаться я не стала, и так все было понятно.

– Ну, хоть чек на приобретенный товар нашли? – задала я очередной вопрос.

– На виду не валялся. А там кто его знает? Не искали мы, – вынужден был признаться майор.

– А говорите, ловить мне в этом деле нечего, – поддела я его. – Хоть снимки сделали? Покойника в петле, окружающей обстановки?

– У экспертов должны быть, – обрадовался он. – Могу посодействовать. И снимки представлю, и отчет судмедэксперта, и протокол осмотра.

– Давайте, лишним не будет, – согласилась я.

Из столовой мы направились напрямик к экспертам. Заблоцкий забрал у них снимки и копию результатов вскрытия. По дороге обратно заглянули в кабинет к майору, сняли копии протоколов допроса свидетелей и родственников. Забрав все это добро, я ушла, предварительно обменявшись с майором номерами телефонов.

В первую очередь я собиралась посетить дом Мальцева, чтобы иметь представление о месте происшествия. Майор предупредил, что дом опечатан, и снабдил меня полоской бумаги с печатью, чтобы после осмотра я могла спокойно опечатать дом. Ехать со мной он отказался, сославшись на неотложные дела. Я не возражала. Даже лучше, если первый раз я увижу обстановку, будучи одна.

Так как я теперь была безлошадная, пришлось снова вызывать такси. Первый Студеный тупик мы искали минут сорок. И немудрено. Тупик состоял всего из двух домов. Было совершенно непонятно, почему эти дома нельзя было отнести к Студеной улице? Только потому, что они находились за основным рядом строений? Но у нас все так. Лишь бы усложнить. За длительность поисков таксист содрал с меня двойную цену, да еще ждатель отказался. Вот вам и первые прелести пешего хода.

Калитка у Мальцева не запиралась. На ней вообще ни щеколды, ни крючка не имелось. Видимо, во дворе брать было нечего. Я заглянула во двор. И отшатнулась. Собственно двора видно не было за горами хлама, нагроможденного чуть ли не вровень с забором. Оцинкованные бочки, прогнившие в нескольких местах, какие-то доски, кирпичи, старые, поломанные стулья и кресла. Допотопный сервант без стекол. Поколотый шифер. Рулоны рубероида, бывшего в употреблении. Кучи стекловаты, по виду содранной с какой-то теплотрассы. Восемь канализационных люков и еще целая куча таких же «полезных в хозяйстве» вещей. Даже старый кузов от «ЗИЛа»! От калитки до крыльца имелся узенький проход. По нему я и пошла, ежесекундно опасаясь обвала.

На мое счастье, до крыльца удалось-таки добраться без приключений. А вот на самом крыльце меня ждал сюрприз. Полоска бумаги, опечатывающая дверь, была сорвана. Лишь малюсенький клочок, болтавшийся на ветру, напоминал о ее существовании. Интересно, дружки-бомжи поработали или нашелся любопытный из другой среды? Толкнув дверь, я поняла, что ключ, которым снабдил меня майор, не понадобится. Да и замок у Мальцева был, честно сказать, скорее для видимости. Такой замок любой школьник перочинным ножом вскроет в течение тридцати секунд.

С крыльца я попала в коридор. Попытавшись нащупать выключатель, тут же отдернула руку от стены. Поверхность была сплошь покрыта чем-то липким. Судорожно покопавшись в сумочке, я отыскала платок. Справившись с брезгливостью, вытерла руку и оглядела помещение. Жуть, конечно, страшная. Здесь было относительно пусто. Только старенькая скамеечка да вешалка на стене. А вот с потолка почти до пола свисала паутина, щедро сдобрен-

ная вековой пылью. И как прикажете через эти заросли продираться? Пришлось вернуться во двор. Отыскав в куче хлама черенок от лопаты, я вооружилась им и пробралась-таки через паутиный заслон.

В комнатах картина была не намного лучше. Все та же паутина, все те же горы хлама, только дорожки для перемещения из одной комнаты в другую немного попросторнее. В кухню даже заглядывать было страшно. Горы невымытой посуды, покрытые слоем жира и остатками пищи. Газовая плита старинного образца свой первоначальный цвет вообще потеряла. Его просто не было видно за толстым слоем нагоревшего жира. Единственным мало-мальски чистым предметом посуды был медный самовар. Он хоть и был старым, но бока его были старательно начищены. Станный выбор. Может, Филипп питал слабость к самоварам так же, как к огородным работам? Огородик я высмотрела сквозь относительно чистое окно. Кто-то протер в слое пыли аккуратное круглое отверстие диаметром сантиметров двадцать пять. Окно это находилось у изголовья панцирной кровати с коваными каретками. Наверное, это сделал сам Филипп. Любовался в свободное от питья и работы время на плоды своего труда? Похоже на то.

Обойдя все комнаты, я вернулась в спальню. Это место выглядело самым обжитым. Тут и закончил свой земной путь Филипп Мальцев. Перекошенный табурет, сиротливо лежащий в центре комнаты, и кусок капроновой веревки, болтающийся на крючке, предназначенном для люстры, говорили сами за себя. Я подняла табурет. Попытка заставить его стоять на всех четырех ножках успехом не увенчалась. Мне стало понятно, что имел в виду майор, когда отвечал мне по поводу следственного эксперимента. Я бы на такой табурет тоже лезть не стала. А вот веревка была добротная. И капрон был выбран не случайно. Капроновый узел скользит по гладкой поверхности, как по маслу. С этим прокола случиться не могло. Интересно, где Мальцев веревку приобрел. И давно ли? Если удастся найти чек, тогда можно будет установить, когда он задумал повеситься. И задумал ли вообще.

Я стояла в центре комнаты, как раз под злополучным крючком, и размышляла. С чего начать? В доме столько вещей, что на их осмотр может уйти неделя. Тратить неделю на обыск – непозволительная роскошь. Но покопаться в доме все же надо. Вдруг да и обнаружится что-то необычное. Решив начать со спальни, я стала обходить ее по периметру. Осторожно, двумя пальцами я поднимала один предмет за другим, заглядывала в углы и ящики, но взгляд ничего не цепляло. Ну, просто ничего.

Тогда я перешла в соседнюю комнату. Некогда это было самое большое помещение в доме, и служило оно, скорее всего, гостиной. Или залом, как сейчас принято называть. В гостиной места для передвижения было еще меньше, а вот пыли, наоборот, больше. Даже пол был покрыт толстым слоем. И на этом слое явственно виднелись следы от ботинок. Протектор не отпечатался. Скорее всего, четкого рисунка на подошве не было. Такой след может остаться только от модельных туфель. Причем мужских. Я осторожно протиснулась между сервантом и тремя этажерками, набитыми всякой всячиной. На всех предметах присутствовали следы. Тот, кто копался в вещах, был в нитяных перчатках, имеющих с тыльной стороны прорезиненную основу. Пупырышки от этой основы отпечатались и на поверхности дверок серванта, и на ящиках комода, стоящего в самой глубине комнаты. Это что же, наша доблестная полиция при осмотре места происшествия теперь пользуется хозяйственными перчатками? Впрочем, их можно было понять. Дотрагиваться здесь до чего бы то ни было голыми руками мог только человек, окончательно лишенный чувства брезгливости.

Над комодом я заметила еще одну деталь. Деревянная обшивка дома была содрана со стены на добрых два метра. Прямо вандализм какой-то. Неужели опера постарались? Или неизвестный посетитель, который был в доме уже после них? А он был. И дверь не заперта, и печать сорвана. А что, если это не приятели-бомжи к Филиппу наведались? И следы эти и от туфель мужских, и от нитяных перчаток появились уже после того, как тело Мальцева забрали. В таком

случае становится очевидным, что в доме что-то искали. Что-то такое, что можно спрятать за обшивкой стены.

Я вернулась в спальню и набрала номер Заблоцкого. Как только он взял трубку, я, не здороваясь, спросила:

– Скажите, когда проводили осмотр дома, обследовали все комнаты?

– И вам здрасте, Татьяна, – пошутил Заблоцкий.

– Майор, мне не до шуток. Пожалуйста, ответьте на вопрос, – оборвала я его.

– Осмотр опергруппой был проведен только в кухне и в комнате, где нашли тело покойного, – мгновенно перестроившись на серьезный лад, отрапортовал майор.

Вот это качество мне в нем нравилось. Он интуитивно понимал, когда шутки неуместны.

– Осмотр проводили в перчатках? – снова спросила я.

– Ну, эксперты были в перчатках, а мы так, осторожненько, – не стал скрывать майор. – Да этого и не требовалось. Осматривать особо было нечего. Так, по мелочи.

– Что конкретно вы осматривали?

– Шкаф в спальне. Постель покойного. Тумбочку прикроватную. Хлам кое-какой из коробок выкинули. И все. Ах, да. Еще одежду покойного. Она на полу горкой валялась, – отчитался он.

– Вы уверены, что в большую комнату никто не заходил? – уточнила я.

– Уверен. Мишка собирался, это эксперт наш, но потом передумал, – ответил майор.

– Почему передумал?

– Да там на полу такой слой пыли, что сразу было понятно: комнату месяца четыре никто не посещал. А то и больше. Чего нам-то там делать? – произнес он.

– И хозяйственными перчатками вы не пользуетесь, верно? – еще раз переспросила я.

– Нет. А в чем дело-то? – не выдержал майор.

– Похоже, у нашего покойничка гость был. Уже в его отсутствие, – ответила я и пересказала результаты осмотра дома.

– Ну, дела! – присвистнул майор. – И кому понадобилось лезть к нему? Может, бомжи?

– Не похоже. Следы на полу явно от модельных мужских туфель. Да еще эти перчатки.

Нет, у Мальцева что-то искали. Вопрос в том, что именно? – проговорила я.

– Ну, не знаю. Там и брать-то нечего. Сами ж видите, – проговорил мой собеседник.

– В том-то и дело, что вижу. И то, что я вижу, мне совсем не нравится, – призналась я.

– Вы еще долго там будете? Может, мне подъехать, – в порыве альтруизма предложил майор.

– Не нужно. Я скоро уйду, – отказалась я. – Ответьте еще на один вопрос. Вы помните имя того бомжа, что в отдел приходил о Мальцеве сообщить?

– Кирпичев Леонид Сергеевич. Кличка Кирпич. Там в протоколе все есть, – напомнил он.

– И место постоянного обитания указано?

– И это тоже. Он у пруда обретается. Там сарай заброшенный, еще со времен сенокосов, когда жильцы частного сектора скотину во дворах держали. Жилище ветхое, но пока не идет под снос, – пояснил майор.

– Спасибо за помощь. Еще увидимся, – поблагодарила я и отключилась.

Итак, в доме Мальцева что-то искали. Кто и что, неизвестно. Вот это я и буду выяснять в первую очередь. А пока можно продолжить осмотр.

Я обошла все помещения, внимательно присматриваясь на предмет следов от нитяных перчаток. Обнаружила их еще и в кухне. В дальнем уголке на пыльной поверхности дореволюционной тумбочки. В недрах тумбочки, так же как и в большой комнате, была вскрыта задняя стенка. Интересно, нашел тайный посетитель то, что искал?

Больше ничего интересного я не увидела. Уходя, я заглянула в карманы спецовки, висевшей на вешалке. Там скопилось куча старых чеков. В основной массе за покупку продуктов

питания. А вот чека на покупку капронового шнура так и не нашлось. То, что Филипп не торопился выбрасывать чеки, говорило само за себя. Вряд ли он избавился бы именно от этого чека. Значит, можно предположить, что веревку приобрел все-таки не он. Но это были только предположения, а их, как говорится, к делу не пришьешь.

Покинув дом, я закрыла дверь на ключ и приклеила новую полоску бумаги, предупреждающую о том, что дом находится в ведении полиции. Прежде чем окончательно уйти, я наведальась на огородик. Сама не знаю почему. Там, в отличие от дома, был идеальный порядок. Сорняки прополоты. Земля еще хранила влагу последнего полива. Грядки были аккуратно посыпаны опилками. Ровные ряды овощей радовали глаз. Слева от кустов томатов была засажена свежая грядка. Судя по всему, на ней был высажен редис. Значит, незадолго до своей кончины Мальцев позаботился о том, чтобы обеспечить себя поздним урожаем редиса. Некоторые любители этого корнеплода так делают. Высаживают редис в начале августа, а к концу месяца собирают урожай. Он в это время хоть и резковат на вкус, но для любителя сойдет. Факт этот косвенно свидетельствовал о том, что Филипп собирался дожить хотя бы до конца августа. Иначе ради чего все эти труды? Да, подумать есть над чем. Рано майор дело в архив сдал, ох рано.

Выходя из калитки, я нос к носу столкнулась с соседкой Мальцева. Женщина бросила на меня подозрительный взгляд, но вопросы задавать не стала. Поспешила к себе во двор. А я решила воспользоваться подвернувшейся возможностью лично пообщаться с человеком, знавшим покойного при жизни. Следуя за соседкой, я окликнула ее:

– Здравствуйте, водичкой не напоите? А то пыли наглоталась, дышать трудно.

– Колонка на углу, – не останавливаясь, буркнула соседка.

– А водопровода у вас разве нет? – удивилась я.

– У нас все есть, а напиться можно и из колонки, – все так же невежливо отговорила соседка.

– Ну, если моя просьба для вас настолько обременительна, придется и вправду из колонки пить. Там и руки отмою, – я сделала вид, что сдалась. – А то ведь и ладони все запылились. У Мальцева такая грязь в доме, жуть просто. Хоть бы нанял кого за порядком следить, раз у самого руки из одного места растут.

Развернувшись, чтобы уйти, я услышала за спиной веселый смех соседки. Я обернулась и стала свидетельницей такой картины. Женщина остановилась, не дойдя двух шагов до калитки, согнулась пополам, прижала руки к объемному животу и тряслась в безудержном смехе, так, что чуть на землю не валилась.

– Я вас чем-то насмешила? – состроив оскорбленную мину, спросила я.

– Ох, не могу. Ну дает! Нанял! Это Филька-то? – сквозь смех проговорила соседка. – Смешнее шутки я в жизни не слышала.

– А что тут особенного? Сейчас многие так делают, – защищалась я.

Отсмеявшись, соседка произнесла:

– Ладно уж, пойдемте, напою вас. За такое веселье и кваску не жалко. Любите квас-то? – спросила она.

– Люблю, – ответила я. – Только мне для начала руки бы помыть. Желательно с мылом.

– С мылом ей! Ой, не могу, – снова закатилась соседка. – Ну, лиса! Прямо как в сказке. Чего доброго, пусти вас в дом, вы меня же и выгоните!

– Да что вы такое говорите! – продолжала я играть роль девицы, у которой полностью отсутствует чувство юмора. – Надо же придумать такое! Я – и из дома выгону!

– Бросьте. Не обижайтесь. Просто к нам в тупичок не так часто чужие заходят, вот мы и сторонимся пришлых. Времена-то лихие. Кто знает, что за вашей приятной внешностью скрывается? Может, вы аферистка какая? Ходите по домам, воду просите, а сами высматрива-

ете, у кого какой достаток. А потом дружков-поделщиков своих пришлете, и плакали накопления.

– Вы, наверное, криминальную хронику смотреть любите? – предположила я. – Вот вам в каждом новом лице преступник и мерещится.

– Люблю, не скрою. Ни одной передачи не пропускаю. А вы не смотрите? – поинтересовалась соседка.

– Нет. Я мелодрамы люблю. Сериалы про любовь, – придумывала я на ходу.

– Оно и видно! Вы бы лучше юмористические передачи смотрели. Развивали чувство юмора. А то на каждое слово обижаетесь, – посоветовала она.

– Мне про юмор не нравится, – искренне ответила я. – Да и шутят они там как-то не смешно. Скорее обидно.

– Ну, может, вам и не нужно, – сочувственно глядя на меня, заметила соседка. – Боюсь, в вашем случае и это не поможет.

Дальше дискуссию развивать она не стала. Распахнула передо мной калитку, пропустила во двор и велела ждать там. Сама же скрылась в доме. Через несколько минут вернулась. В руках она несла большой кувшин, до краев наполненный теплой водой, и кусок хозяйственного мыла. Через плечо у нее было перекинуто льняное полотенце.

– В дом не зову. Не люблю посторонних. Подходите вот сюда, к кустам. Полью вам, –скомандовала соседка.

Я прошла в указанное место, выставила руки вперед, ладонями вверх. Пока я мылась, соседка не проронила ни слова. Грязь с рук лилась потоками. Трижды намыливать пришлось, пока добела отмыла.

– Да, зачумазились вы основательно, – протягивая мне полотенце, хмыкнула соседка. – И чего вас только к Фильке в дом понесло? Купить, что ли, хотите?

– А что, хороший дом? – вместо ответа спросила я.

– Дом-то хороший, да только дела в нем нехорошие происходят, – многозначительно прошептала собеседница.

– Снова шутите? – спросила я.

– Какие уж тут шутки. Это вы у нас шутить мастерица. Надо ж выдумать такое. Филька – и прислугу нанять. Глупее не придумаешь. – И она снова закатилась смехом.

– И все равно я не понимаю, что в моем предложении такого невероятного? Вот у меня в соседях мужчина живет. Одинокий. Так он раз в месяц в агентство звонит, и ему женщину присылают. Та весь дом в порядок приводит, мужчина с ней расплачивается, и все довольны, – рассказала я.

– В том-то и дело, что ключевое слово в вашем рассказе – расплачивается, – пояснила соседка. – Ваш-то сосед небось состоятельный? А Филька что?

– А что Филька? – повторила я вопрос.

– Голь перекатная – вот что, – выдала она. – Ему зарплаты едва на хлеб с молоком хватало. Суп куриный – только по праздникам. Про мясо я вообще молчу. Летом-то куда ни шло. Огородик держал, с него и харчевался. А зимой корки глодал. На его зарплату не расшикуешься.

– Я ведь не знала, – принялась оправдываться я. – Я думала, он просто скряга. Ну, знаете, бывают такие, что на сундуках с золотом сидят, а лишнюю копейку потратить боятся.

– Еще лучше выдумала! – всплеснула руками соседка. – Теперь еще и сундуки с золотом. Да откуда у Фильки золото? Нищета безродная. Сундуки вот были. Он их со свалки притащил. А золото, моя красавица, на помойку не выбрасывают.

– Он что же, по помойкам лазил? – с ужасом оглядывая свои руки, вскричала я.

– Хуже, красавица. Он на этой самой помойке почитай десять годков оттарабанил, – засмеялась соседка. – Да ты руки-то не осматривай. Поздно уж. Прежде чем в чужой дом лезть, справки надо было навести. А ты небось на дешевизну позарилась?

Соседка не заметила, как перешла на «ты». Я указывать ей на это не стала. Так даже сподручнее. Вроде как за свою приняла.

– Ох, и влипла же я. Теперь анализы сдавать придется. Чего доброго, заразу подхватила, – причитала я.

– Это еще полбеды. Знаешь ли ты, красавица, как прежний владелец умер? – продолжала страшить собеседница. – По глазам вижу, что не знаешь. А я тебе расскажу. Повесился он! Руки на себя наложил от жизни своей беспросветной. А все из-за змеюки этой, из-за жены бывшей. Бросила она его в лихую годину. Мужик работу потерял, веру в себя. Для мужика не у дел остаться – хуже не бывает. А она нет, чтобы поддержать мужа, из дома взащей выставила. Вот и покатился Филька по наклонной. Теперь вот руки на себя наложил. А ей, змеюке этакой, все нипочем небось. Вона как быстро хозяйство его к рукам прибрала. А похоронить-то не удосужилась. Государству эту честь оставила.

– Надо же! А мне совсем другое рассказывали. Сказали, убили его. Дружки или лихой человек, – осторожно проговорила я.

– Да ну! Пустое это. Дружки его, понятно, не сахар. Не в университетах время просидывают, но чтобы руку на Фильку поднять... Не может такого быть. Он же их поилец был, – возразила соседка.

– Поилец? – сделав вид, что не поняла, переспросила я.

– Ну да. Поилец. Водкой их поил. Стабильно. Раз в неделю. А пропойцам плохо ли? Считай, как в аптеке, каждую неделю дармовая выпивка. Стала бы ты такой Клондайк опустошать? – обратилась ко мне с вопросом она.

– Наверное, нет, – нерешительно ответила я.

– Вот и они не стали бы. А лихих людей в нашей глухомани не бывает. Это вам не центр. У нас на все дворы сбережений и десятка тысяч не наберется. Кто на такой куш позарится? Разве дурак только, – наставительно проговорила соседка.

– Так, может, подумали, что у него тайник какой имеется? Наследство, например. Ну, часы старинные или картина дорогая, – продолжала сомневаться я.

– Не смей меня, красавица. А то пупок от смеха развяжется. Говорю тебе, не было у Фильки никаких ценностей и быть не могло, – решительно отмахнулась от моих предположений женщина.

– Так, может, просто по-пьяни сболтнул. Прихвастнуть решил, а его за это хвастовство, как за правду, уколошили? – настаивала я.

– Вот по-пьяни мог, – согласилась соседка. – Прихвастнуть – это в их кругах милое дело. Так-то жить скучно, вот они и выдумывают. Изгаляются друг перед дружкой.

– А перед вами он хвастался? – задала я новый вопрос.

– А передо мной-то чего? Я в их компанию не вхожая, – обиделась она. – А чего это вы все спрашиваете? Может, тоже байку какую слышали, поэтому и дом прикупить решили?

Я поняла, что разговор по душам закончился. Соседка снова перешла на «вы». Первый признак, что пора делать ноги.

– Да нет. Я просто разговор поддержать. Да я вообще теперь этот дом и за три рубля не куплю. Жить в доме самоубийцы – беду на себя накликавать, – стала отнекиваться я.

– Вот и идите своей дорогой, – сердито проговорила женщина. – Ходят тут всякие, вопросы каверзные задают, а у честных людей потом деньги пропадают. Топай, красавица, откуда пришла.

Чтобы не нарваться на неприятности, я поспешила покинуть соседский двор, даже не напомнив о том, что хозяйка обещала напоить меня квасом собственного приготовления. Выйдя за калитку, я остановилась. Вот ведь незадача. Забор на предмет дополнительных калиток или проломов я и не проверила! А как теперь вернешься? Соседка наверняка за мной наблюдает. Вернусь сейчас – вызову раньше времени ненужные подозрения. Зачем мне туда

возвращаться, если я дом покупать передумала? Надо майору позвонить. Вдруг его опера изучили двор?

Отойдя на несколько шагов, я набрала номер майора и почти сразу услышала его бодрый голос.

– Все трудитесь, Татьяна? – пошутил он.

– Скажите, в доме Мальцева одна калитка? Я имею в виду вход во двор, – пояснила я.

– Вроде одна. Ребята забор проверяли. Добротный заборчик, хоть и из старого железа. Там листовое железо, что для кровли крыш используется. Видно, тоже со свалки приволок, – не задумываясь, ответил майор.

– Спасибо, вы меня очень выручили, – поблагодарила я.

– Всегда пожалуйста. Обращайтесь, – произнес он и отключился.

А я потопала к шоссе к дороге, ловить мотор. Дорога шла между частными домами, в большей своей массе старенькими, я бы даже сказала, ветхими. Да, в такое место серьезные воры вряд ли сунутся, в этом соседка Филиппа права. Тем более подозрительными выглядели следы на пыльном полу и отпечатки от хозяйственных перчаток на мебели. Машину я поймала относительно быстро. Без лишних разговоров водитель доставил меня домой. Прежде чем начинать действовать, мне хотелось основательно изучить детали. Рассмотреть фотографии места происшествия, почитать протоколы и заключение судмедэксперта.

К тому же время приближалось к восьми часам вечера. Наносить визиты уже не особо вежливо. Тем более если нет весомых оснований. А таковых у меня пока не имелось. Но я была уверена, что к утру ситуация изменится.

Пока я изучала фотографии, позвонил Кирьянов.

– Как продвигается расследование? Чем порадуешь? – поинтересовался он.

– Радовать пока нечем, – охладила я его пыл. – Правда, дом Мальцева, который я посетила сегодня, оказался вскрытым. Кто-то там побывал уже после опергруппы.

– Знаю, Заблоцкий доложил. Позаботился, – заявил приятель.

– Шустрый малый, – поразила я. – Он и о своих успехах с тем же рвением начальству докладывает? Или это распространяется только на мои достижения?

– Не сердись, – усмехнулся в трубку Кирьянов. – Он всего лишь выполнял мой приказ. Я велел держать меня в курсе дела, вот он и держит.

Я не стала объяснять Кире, что все, о чем доложил Заблоцкий, – целиком и полностью плоды моего труда, а сам майор к этому не то что руку, пальца не приложил. Обострять отношения с майором мне не хотелось. Пусть себе радуется, зарабатывает благодарности от начальства. Мне-то это все равно ни к чему.

– Значит, мне и рассказать ничего не осталось, – ответила я. – Увеков уехал?

– Уехал. Не переживай, – ответил Кирьянов. – Я вот насчет следов хотел уточнить. Думаешь, прав Увеков? Нежданно-негаданно в точку попал?

– Возможно, – уклончиво ответила я. – Наверняка пока ничего сказать не могу. Слишком хлипкие факты. На уровне подозрений. Но вероятность такую не исключаю. Откуда-то появились же эти следы?

– Держи меня в курсе, – попросил приятель. – И не переусердствуй там.

– Как прикажете, товарищ подполковник, – шутливо козырнула я.

– Вот и славно. До встречи.

Кирьянов дал отбой. А я продолжила прерванное занятие. Разгуляться фантазии тут было негде. Скучные снимки, запечатлевшие висящее тело, не отражали картины происшествия. Ну, веревка. Ну, табурет. Лицо синюшного цвета. Стоп! А это что такое? Похоже, ссадины на костяшках правой руки. Любопытно. Заметили ли этот факт эксперты? Я бросилась к бумагам и принялась вчитываться в заключение. Вот! Так и есть. На костяшках правой руки зафиксированы ссадины. Средней свежести. И появились они там до наступления смерти.

Предположительно за час или около того. А вот еще один любопытный факт. В затылочной области имеется обширная гематома. По утверждению экспертов, труп с веревки не падал. Отсюда и предположение, что она гематома образовалась от удара тупым предметом или о тупой предмет незадолго до кончины висельника. Сама по себе гематома к смерти привести не могла. Мальцев умер от удушья, это факт непреложный. Но вот с чего это ему сначала головой обо что-то биться, а потом в петлю лезть, история умалчивает. Вот вам и «нечего ловить»! Да тут такой улов богатый, любой рыболов позавидует. А опера-то намеренно от фактов отмахнулись. Не пожелали ради нищего алкаша очередной «глухарь» на отделение вешать. Ну, майор, поговорю я с тобой по душам.

Поговорить-то ты, Танюша, можешь, только вот что ты с мотивом делать будешь? На бомжа «мокруху» повесишь? Вариантов-то пока немного. Либо дружки-алкоголики бутылку не поделили, либо залетный гастролер попутал и влез в дом Мальцева в надежде пожить. Других версий у меня пока не было. Первый вариант мне казался совершенно бесперспективным, да и соседка Филиппа это подтверждала. Ну зачем, скажите на милость, бомжам резать курицу, несущую золотые яйца? Филипп являлся стабильным доходом для местной бомжатни. Раз в неделю иметь дармовую выпивку и какую-никакую закуску – это вам не мелочи. Для такого-то контингента. Могла, конечно, у них стычка произойти. Но в этом случае, согласно статистике, дело заканчивается, как правило, поножовщиной. Но чтобы в петлю приятеля засунуть, это, простите, какую изощренную фантазию иметь надо. Опять же, веревка новехонькая у бомжей откуда? Нет, не стыкуется.

Но и факт самоубийства также сомнителен. Я покопалась все в той же статистике, и она подтвердила мои сомнения. Случаев самоубийства среди личностей, ведущих маргинальный образ жизни, ничтожное количество. Ну, не принято у них руки на себя накладывать, и все тут. Вот один профессор, например, целую диссертацию этой теме посвятил. И он утверждает, что для того, чтобы подобная личность решила свести счеты с жизнью, должно произойти событие из ряда вон выходящее. Чтобы версия самоубийства подтвердилась, нужно было выяснить, что за событие такое кардинально изменило мальцевское отношение к действительности. А подтверждений тому тоже пока не имеется. Вот и выходит, что будь ты, Танюша, до сих пор в рядах доблестной полиции, может, тоже предпочла бы закрыть глаза на некоторые факты.

Теперь нужно решать, как действовать дальше. С бомжами пообщаться? Боюсь, меня они за свою не примут. Вот если бы я хотя бы водку с ними пить согласилась, тогда да. А так пустая трата времени. Но на этот случай у меня имеется проверенный вариант. Сейчас уже поздно, а вот завтра с утра нужно будет сгонять в одно злчное местечко и пообщаться с моим давним агентом Аяксом. Уж его-то точно за своего примут. Были бы деньги. Вернее, жидкая валюта. Но этим добром я его снабжу.

Еще нужно было посетить вдову. Она хоть и бывшая, а все ж жена. К тому же у них и сын общий имеется. Может, и поделится со мной своими соображениями. И на работу к Филиппу наведаться нужно. Опера кирьяновские не удосужились, значит, придется мне. О смерти Мальцева им уже известно. Следователь позаботился. Тем лучше. Приеду, представлюсь страховым агентом. Разузнаю, чем Мальцев жил, о чем мечтал, на каком он был счету у начальства.

К соседке пока лучше больше не соваться. Пусть поостынет. Вот подсоберу материал, тогда и наведу. Порасспрошу про гостей непрошенных, про личностей неизвестных, что у дома Филиппа могли крутиться. Авось вспомнит чего. Дом Мальцева был крайний в тупике. Соседка у него единственная имелась. Остальные, если и видели посторонних, сказать наверняка, к Мальцеву они направлялись или мимо проходили, не смогут.

Еще предстоит встретиться с университетскими коллегами Филиппа. Времени с момента его увольнения утекло немало, но я была уверена, что хоть кто-то из бывших его коллег в университете остаться должен был. Разузнаю, не встречался ли кто из них с Мальцевым незадолго

до смерти. Ведь встреча с бывшими коллегами, профессорами и проректорами, могла послужить тем толчком, заставившим Мальцева переосмыслить свое существование.

Глава 3

– Таня-сан! Вот так сюрприз. Сколько лет, сколько зим. Вспомнила-таки про старика Аякса? А я уж думал, забыла. Не зовешь, не пишешь. Никому-то старик не нужен, кроме верных дружков-собутыльников.

Я стояла под мостом на набережной, наслаждалась утренней прохладой и улыбалась. Мой верный агент в среде маргиналов Венчик Аякс, он же Вениамин Аяков, разливался соловьем. Было видно, что встреча ему приятна. С Венчиком меня свела судьба, когда я расследовала жутко запутанное дело. В этом расследовании Аякс сыграл не последнюю роль, и с тех пор я обращалась к нему за помощью в щекотливых вопросах, таких, как нынешний. К любой работе Венчик относился свысока. Не его, мол, планида за гроши на заводе горбатиться. И вообще, работать на государство, которое тебя же и обворовывает, верх идиотизма. Но от моих скромных пожертвований Аякс никогда не отказывался и отработывал их с лихвой.

– Чего ж сама в эту клоаку явилась? Могла бы маляву с посылным прислать. Я бы пришел туда, куда велела б, – полюбопытствовал Аякс.

– Дело уж больно срочное, – ответила я. – Помощь твоя требуется. Просто позарез.

– Погодь. Тут лишнего не болтай. В нашей среде разный народ случается. Пойдем-ка лучше вон на ту скамеечку, там и расскажешь.

Мы поднялись на набережную, присели на свободную скамью, и я заговорила.

– В доме по Студеному тупику обнаружен труп мужчины. Мужчина этот, Филипп Мальцев, много лет проработал на городской свалке. Водил дружбу с вашим братом. С лицами, не имеющими определенного места жительства. Официальная версия – самоубийство через повешение, – принялась я вводить Аякса в курс дела.

– Эк, куда хватили! Бомж повесился. Смешно. Почти как в анекдоте про колобка, – усмехнулся мой собеседник.

– Вот и мне эта версия кажется притянутой за уши. А доказательств нет. Надо бы с дружками его по душам потолковать. Как жил, чем дышал, о чем мечтал, – пояснила я. – Меня они погонят, а ты для них – свой в доску. Тебе могут и рассказать.

– Это несомненно, – подтвердил Аякс и по-деловому осведомился: – Адрес, сроки, бюджет?

– Первый Студеный тупик, дом номер два. Это адрес покойного. Имеется дружок закадычный. Кличка Кирпич. Обитает неподалеку, у пруда, в заброшенном сарае. Сроки – чем быстрее, тем лучше. Что касается бюджета, – я вытащила из кошелька три пятисотенные бумажки и протянула Аяксу, – этого должно хватить. Твой гонорар, естественно, в эту сумму не входит. Сработаешь быстро, расчет как всегда.

– Заметано, Таня-сан. Как связь держать будем? – спросил он, вставая со скамейки.

– Сколько времени тебе понадобится на налаживание контакта? – уточнила я.

– Дай-ка подумать. Сейчас девять утра. Думаю, к ночи все будет, – пообещал Аякс.

– Значит, завтра утром к девяти подходи в кафетерий на Студеной. Я недалеко от дома покойного видела приличное кафе, – предложила я.

– Будет сделано, Таня-сан, – заверил меня Аякс.

– Личный вопрос можно? – спросила я. – Таня-сан – это в честь чего?

– О, это в нашей среде японец-бомж появился, Таня-сан. Так вот он нас просветил, что обращение без этой добавки совершенно недопустимо по отношению к уважаемым людям. Вот мы теперь и называем всех «санями». И ты, Таня-сан, заслужила это приложение к имени по праву, – хитро улыбаясь, объяснил он.

– А я уж думала, ты в Страну восходящего солнца эмигрировать надумал, – засмеялась я.

– Куда ж я без матушки нашей, Россия – моя родина. Хоть и неприветлива, а мать. Да и вы, Таня-сан, пропадете тут без меня, – то ли в шутку, то ли всерьез произнес Аякс. – Ну, я пойду. До вашей Студеной улицы путь неблизкий.

– Я на такси. Могу подвезти, – предложила я, но он отказался.

– Чай, не बारे. Сам доберусь. Тем более что для подобного рода визитов рановато еще. Вот заодно и время убью, и гостинцами разживусь. А вы езжайте, Таня-сан, и ни о чем не беспокойтесь. Сделаю все в лучшем виде.

Аякс поплелся в сторону автобусной остановки, а я пошла к своему такси. Машина дождалась меня за углом, в разрешенном для парковки месте. Назвав адрес тарасовского университета, я откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Ночка выдалась бессонная. Я почти до утра все думала, за какую ниточку нужно потянуть прежде всего, чтобы добиться нужного результата, но так ничего и не придумала, только время потеряла. Теперь вот наверстывала упущенное. Глаза слипались сами собой. Хорошо, хоть за дорогой следить не надо. Есть все же свои прелести в безлошадной жизни!

В университетском вестибюле было пустынно. Пора вступительных экзаменов прошла, и до начала учебного года оставался почти месяц. И студенты, и абитуриенты наслаждались последними вольными деньками. Но преподавательский состав должен был присутствовать. Хоть частично. Строгая вахтерша придирчиво осмотрела мой паспорт, трижды поинтересовалась, по какому вопросу мне понадобилось университетское начальство, и только после этого позволила подняться на третий этаж на кафедру литературоведения.

– Спросите Зинаиду Павловну, – скрипучим голосом велела она. – Кабинет триста двадцать пять. Не перепутайте.

Ее замечание я предпочла проигнорировать. Поднялась по лестнице на третий этаж. Отыскала триста двадцать пятый кабинет и заглянула внутрь. Худощавая мадам с высокой халой на голове оторвала глаза от бумаг и строгим голосом проинструктировала:

– Приемное отделение на втором этаже.

– Да я, собственно, не по этому вопросу, – робко сообщила я. – Мне Зинаида Павловна нужна.

– Заочница? Хвосты закрывать? Поздно спохватились, милочка. В июне нужно было суетиться. Теперь до сентября ждите. Все преподаватели в отпуске. Они, знаете ли, тоже люди. – И строгая мадам снова уткнулась в свои бумажки.

– А вам отпуск не положен? – иронично заметила я.

– Хамите? Нашли время. Хамить, милочка, нужно тогда, когда у вас все зачеты проставлены. А еще лучше, когда диплом на руках, – невпопад заявила мадам.

– Значит, мне уже можно, – усмехнулась я. – Мой диплом давным-давно со мной.

– Так чего вам тогда еще надо? Говорите и уходите. Не видите, работы валом, – обвела рукой стол мадам.

– Мне бы Зинаиду Павловну увидеть, – сообщила я. – Вопрос к ней имеется.

– Вы что же, из газеты? – Мадам подобрела на глазах. – Так бы сразу и сказали. Чего голову занятым людям морочить? Проходите. Я Зинаида Павловна. Интервью будете брать у меня. Сам декан в отпуске.

– Да я, собственно... – начала я и осеклась.

Пусть будет интервью. Может, это и к лучшему. Я заняла место напротив Зинаиды Павловны, достала из сумки телефон, включила режим диктофона и вежливо спросила:

– Можно начинать?

– Что, так вот сразу? Без репетиции? – испугалась она. – Может, для начала очертим круг вопросов?

– А чего тянуть? Мы ж не в прямом эфире. Все, что окажется лишним, в статью не пойдет, – заверила я.

– А разве это будет не серия статей? – удивилась она. – Мне кажется, мы с редактором четко условились. Серия статей на протяжении всего года. Как-никак юбилейный год. Можно и уважить.

– Конечно, серия, – поспешила я заверить мадам. – Но сегодня, так сказать, обзорное интервью. Как раз для того, чтобы определить темы для статей. Вы готовы?

– Только если вы обещаете не пускать в печать то, что запишете, без предварительного согласования с деканом, – безапелляционным тоном объявила Зинаида Павловна.

– Само собой, за кого вы нас принимаете? У нас все законно, – притворно возмутилась я.

– Вот и хорошо. Задавайте свои вопросы, – смилостивилась она.

– Для начала расскажите историю создания университета, – попросила я.

Зинаида Павловна явно ждала подобного вопроса. Заученные фразы посыпались из ее уст как из рога изобилия. Минут десять я слушала историю университета. Когда речь зашла о постперестроечных годах, я насторожилась. Зинаида Павловна рассказывала, как удалось университету выжить в сложные времена, как боролись преподаватели за сохранение высокого звания ученых. Как много они все пережили ради общего дела. Вот он, подходящий момент. Поерзав на стуле, я прочистила горло и спросила:

– В те трудные времена по всем направлениям отмечался высокий рост сокращений. Как этот вопрос решался в вашем учреждении?

– Да, сокращения, конечно, имели место, – споткнувшись на полуслове, нерешительно ответила Зинаида Павловна. – Но основного преподавательского состава они не коснулись. Нашему университету удалось сохранить светлые умы.

– Похвально. А как реагировали на сообщение о сокращении те, кто все же не избежал этой участи? – продолжила я развивать тему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.